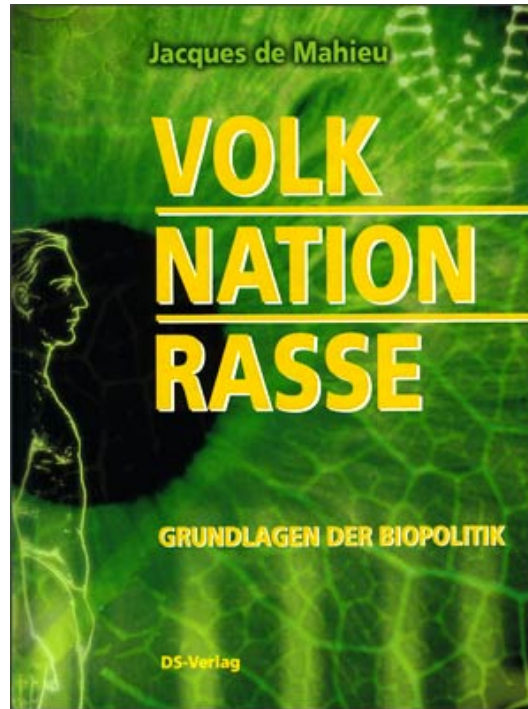

Жак де Майё

НАРОД – НАЦИЯ – РАСА

Основы биополитики

Оригинал: Jacques de Mahieu, Volk – Nation – Rasse,
Deutsche Stimme, Postfach 10 00 68, Riesa, D-01571

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Политика завтрашнего дня

ВСТУПЛЕНИЕ

Забвение и преувеличение этнического фактора
Биополитика

РАСА

Человек: наследование и история

Факт расы

Зоологическое понятие расы

Заблуждение «чистой расы»

Наследование

Связь генов

Двойной эффект смешения рас

Мутация

Наследственность приобретенных качеств

Наследственная память

Воздействие среды

Двойной эффект среды

Границы воздействия среды

Творение расы

ЭТНОПОЛИТИКА

Классификация рас

Плавильный тигель

Неравенство рас

Раса и общность

Многонациональные общности

Расовая специализация в органическом обществе

Рабство

Расовая сегрегация

Противоположность рас в многорасовой общности

Противоположность рас в мире

ГЕНОПОЛИТИКА

Биопсихология и общественное устройство

Биопсихическая специализация общества

Семья

Происхождение

Слой общества

Происхождение социальной иерархии

Наследственная дифференциация и функциональная специализация

Наследственная изменчивость благодаря функции

Значение функциональной дифференциации

Естественный отбор

Экономическая дифференциация
Отрицательный отбор
Аристократия и элиты
Биопсихическое неравенство общности
Исчезновение биопсихического общественного устройства

КОЛИЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ

Демографический фактор
Плотность населения
Естественное демографическое равновесие:
Его биологические факторы
Естественное демографическое равновесие:
Его общественные факторы
Демографический состав
Активное и пассивное население
Демографический ритм
Демографическое давление
Жизненное пространство
Демографическое планирование
Демографическая концентрация

МИГРАЦИИ

Определения
Великие переселения народов и частичные миграции
Добровольные и вынужденные миграции
Эмиграция и ее причины
Эмиграция и ее последствия
Биотипология эмигранта
Иммиграция и процесс ассимиляции
Иммиграция и ее последствия
Внутренние миграции: геосоциальная нестабильность
Внутренние миграции: причины и следствия
Планирование миграций
Временные миграции

ОБ АВТОРЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Политика завтрашнего дня

В настоящий момент мир как никогда раньше взирает на современную демократию с почтительной робостью как на мессию, ожидая от него, что тот спасет мир от вселенского хаоса. Либеральная школа постоянно обещает чудесный мир благосостояния.

Между тем, демократия полностью проиграла в своей борьбе за человека. Она по-прежнему пребывает в плену неведения истинных ценностей. Она не знает мира. Она, к сожалению, обанкротилась в своей попытке оправдать свою задачу, так как она не может воплотить в жизнь ни одну из своих оптимистических деклараций. Демократия не смогла избавить мир от пороков глупости, расовых беспорядков и преступлений. Наоборот, ни одно из этих зол не прекращает распространяться. Добавим к этому еще загрязнение воздуха, воды, земли и, прежде всего, питания.

Не стоит этому удивляться. Так как извращение западных народов с помощью идеи прибыли, понятия равенства, лжи путем опущения, злоупотребления лекарствами, современного комфорта и пацифизма любой ценой имело двойной результат. Нашими нациями как таковыми овладели неподвижность и бессознательное состояние; но также и как особь каждый из нас стал жертвой отрыва от корней и моральной бастардизации, целью которой является сделать из нас «послушных и дешевых» лакеев, пленников своих пороков, своих свойств работа и своих иллюзорных представлений. Это извращение стремится сделать из нас – как из индивидуумов, так и из наций – жалких мошенников, гибридов-ублюдков, лишённые имени народы, идеальное сырьё для всемирного государства-термитника.

При всем том была сделана попытка, показавшая, что дело могло бы окончиться совсем по-другому. С тех пор как (естественная) гигиена вернула себе свое место в развитии общественных групп и раса – свою роль, здоровье и порядок были восстановлены. Теперь не хватает только лишь того, чтобы политика обратила свое внимание на законы жизни и на заповеди биологической морали. Поэтому можно легко понять, что вопрос расового сознания – это не только ключ к истории, но и ключ к человеческой культуре. Но кто может также еще сегодня понять такое высказывание, не сбившись при этом с правильного пути или не сказав что-то неуместное? Мы должны были постараться разогнать тот туман, которым образованщина и болваны из мира литературы окутали вопрос, на который, в принципе, вовсе не так уж сложно ответить.

Биополитика принуждает нас к глобальному осознанию. Каждая отдельная отрасль знания как таковая становится, таким образом, абсолютно безразличной для нас. Биология, например, оказывается значимой для нашего образа мыслей и образа жизни только в том случае, если она способствует решению общественных и экономических проблем. Какая ценность была бы для нас у тысяч сведений наследственной гигиены, если они не ведут к более глубокому пониманию религии и будущего человечества? Какая-либо специфическая научная дисциплина в рамках общественной жизни никогда не будет воздействовать как организующий фактор, если она не поднимется на высоту политики целостного человека.

Доктор Жак Боже-Прево, доктор психологии.

Президент «Общества естественной гигиены Квебека»,

Директор «Высшего института психосоматических, биологических и расовых наук», Квебек (Канада).

(Текст работы Жака де Майё приводится в сокращенном виде, из нее были выбраны отрывки, наиболее актуальные для современного русскоязычного читателя. – прим. перев.)

ЭТНОПОЛИТИКА

Расовая специализация в органическом обществе

Либералы, которые проповедуют политическое равенство, даже достаточно часто хотят навязать его, забывают о том, что – при условии, что определенные права действительно свойственны человеческой природе – собственно политические права соответствуют не только обязанностям, что было бы только моральной точкой зрения на проблему, но, прежде всего, социальной функции. Однако функции в рамках общности неравны по своему значению и требуют от тех людей, которые их выполняют, неравных способностей. Не было ли бы логично и возможно представить себе некую многонациональную общность, в которой определенные функции органически оставались бы за той или другой расовой единицей, которая демонстрирует особенные способности для их исполнения? Подчиненная или даже только не ассимилируемая раса получила бы тогда причитающееся ей в политическом обществе место и осуществляла бы причитающиеся ей права, но именно только эти права. В исторических примерах

такой организации нет недостатка. Самый известный пример, несомненно, это США до Гражданской войны (1861-1865). Негры выполняли определенные подчиненные функции. В качестве вознаграждения за это они обладали правом на питание, жилье и одежду, даже на старости лет; на уход и лечение в случае болезни и, прежде всего, на личную защиту. Так как они были полезны общности, к которой они принадлежали, никто не думал исключать их или ненавидеть. После того как победа либерального Севера подавила эту расовую специализацию и разрушила многорасовый функциональный порядок, негры – что вполне понятно – отнюдь не приобрели способности, отсутствие которых не освободило для них никакого другого места в социальной иерархии кроме самого нижнего. За некоторыми немногими индивидуальными исключениями они также еще сегодня, более века спустя, все равно остаются работниками ручного труда и домработницами. И так, они сохранили те функции, к которым они были предназначены. Но при этом они потеряли соответствующие права: черные пролетарии не знают социального страхования, пенсии, стабильности своей работы. Однако им предоставили те же политические права, что и белым. И они вместе с тем стали опасностью для общности, в которой они больше не кажутся необходимыми: поэтому часто возникают жестокие реакции, от воздействий которых им приходится страдать. Как раса-клетка в ткани человеческого тела, которая потеряла свою органическую функцию, негры США действительно стали серьезной проблемой для общества. В равной степени напрасно как упрекать их в этом, так и возмущаться этим. Речь здесь не идет ни о вине, ни о сочувствии, а об этнополитическом положении дел, причины которого мы знаем, и которое нужно излечить, если это еще возможно, чтобы восстановить общность.

Противоположность рас в многорасовой общности

В каждой составленной из нескольких рас общности имеется два противоположных движения. С одной стороны – кроме как в случае полностью организованного сверху донизу во всех сферах общества – занимающая подчиненное положение или не способная адаптироваться и поставленная под опеку расовая группа протестует против правящей расовой группы и борется за свое освобождение или даже за свое политическое доминирование. Но с другой стороны обе части склоняются к расовому слиянию. У этого процесса есть два мотива: сила сексуального притяжения и желание подчиненных приблизиться к своим господам. Первый феномен достаточно известен, второй требует определенного объяснения. В США установили, что мулаты, в общем, вступают в брак друг с другом, в то время как негры предпочитают мулаток, причем именно тех, у кого наиболее светлый цвет кожи. Вместе с тем в рамках цветной общности совершается селекционный выбор в пользу выращивания потомства, все более и более приближенного к белому типу. Так все чаще приходят к рождению «белых

негров», т.е. таких метисов, которых дилетант по их внешнему виду вполне может спутать с белыми. Из этого получается феномен, который английский язык обозначает как «passing» (переход). Это явление позволяет этим метисам менять свое место жительства, выдавать себя за белых, вступать в брак с белым населением и наполнять его своими смешанными генами. «Passing» возможен, очевидно, только ввиду отсутствия легального этнического различия. Полное смешение даст в итоге новую расу, у которой, вероятно, будет такая усиленная сила воображения, которой нынешнее белое население почти не обладает или вовсе не обладает. Но те трудоспособность и энергия, которые теперь еще характеризуют большую часть белых народов, пропадут безвозвратно. Мы, кроме того, констатируем еще тот факт, что этот процесс смешения очень медленный, прежде всего, в США, где расовое сознание очень сильно выражено, где, однако, плодовитость, способность к оплодотворению, которая у негров больше, чем у белых, постоянно увеличивает долю африканцев в американском обществе. Если не будут приняты необходимые этнополитические меры, то можно предвидеть день, когда не только у значительной части белых в США, или хотя бы тех, которые представляются как белые, в венах будет течь смешанная кровь, но и вообще мулаты по своей численности превзойдут белое население, как это уже сегодня имеет место в Бразилии.

Противоположность рас в мире

Плодовитость «стоящих ниже» и относительная стерильность «стоящих выше» рас – это реалии, которые возникают не только в многорасовых общностях, а во всем мире. Раздававшиеся время от времени предупреждения, призывавшие Европу к бдительности по отношению к «желтой опасности» в первой половине двадцатого столетия, были смешны. Но прошло не очень много времени, пока действительность не проявилась отчетливо. Белые народы уже не только обороняются, но и отступают. Они потеряли все свои колониальные империи. Однажды белых выгонят обратно на земли их исходного происхождения те народы, которые уступают им по качеству, но значительно превосходят количественно. Европейцы пробудили желтые народы от их многовекового сна, они удержали негров от того, чтобы те массово перебили друг друга (только время от времени в Африке они снова возвращаются к этой своей старой доброй привычке) и вынудили их производить все больше и больше продовольствия. Тем, что белые познакомили уступавшие им отсталые народы с гигиеной и медициной, они увеличили число своих противников сегодня, а завтра эти отсталые народы выведут нашу планету из ее этнического равновесия. Это были белые, которые поддерживали колониальные восстания против других белых (как в Южной Африке) и продолжали содействовать этим восстаниям все больше и больше. Но даже все это не было бы так плохо, если бы белые сохранили в себе

унаследованные у своих отцов качества. Война между белыми нациями должна была бы быть заменена войной между миром белых и миром цветных. К несчастью, это, кажется, не происходит. Вырождение большой белой расы уже зашло настолько далеко, и самые элементарные законы биополитики были всеми – только не евреями – преданы забвению в такой степени, что правомерно задать вопрос, достаточно ли у нас еще есть времени, чтобы хоть что-то изменить в сложившейся ситуации.

ГЕНОПОЛИТИКА

Биопсихическая специализация общества

Так как люди сегодня больше не мирятся так просто с этими последствиями, во всех существующих обществах уделяют внимание принципу биопсихической специализации. Ни одна общность не может не обращать внимания на возраст своих членов. Всюду молодежь должна учиться, взрослые должны работать, а пожилые – отдыхать. Давайте на минутку представим себе, насколько абсурдным был бы противоположный подход! Возраст – это один из существенных факторов биопсихической дифференциации: у ребенка нет тех же физических возможностей и психических склонностей, как у зрелого человека, а зрелый человек не делает то же самое, что делает старик. Если выразиться обобщенно: разделение труда в любом организованном обществе основывается до определенной степени на особенной способности индивидуума. Профессора выбирают не по объему его мышц, а грузчика – не по критерию его эстетической восприимчивости. Общественное устройство, таким образом, поневоле учитывает индивидуальные способности и задатки, да, больше того, оно опирается на них, и его никак нельзя заставить отказаться от этого. Однако часто слышны протесты против функционального неравенства полов, которое является, по меньшей мере, таким же твердо установленным. Функция размножения важна для общности уже просто потому, что без нее общность уже через несколько десятилетий исчезла бы. Выполнить эту функцию может только гетерогенность биологической роли мужчины и женщины, которая обуславливает также общественную дифференциацию. Это мать, которая выносит ребенка в своем лоне и затем кормит его грудью. Поэтому она не определена для обычной работы на производстве, и вполне естественно, что ей доверяется домашнее хозяйство. Физические формы и психические качества у женщины и мужчины настолько же различны, как у коровы и быка, если можно позволить себе это сравнение. Никому и в голову не пришло бы отправлять корову на арену для корриды. Почему же тогда при этих обстоятельствах женщинам в человеческом обществе должны были бы даваться такие же функции, что и мужчинам? Женщины не предназначены для того, что-

бы бороться, чтобы приказывать, чтобы творить. В области искусства вполне обоснованно указывалось на то, что женщина никогда еще не стала великим композитором, даже если женский пол вовсе не был исключен из музыкальной культуры. Тем не менее, мы должны также здесь сделать ту же оговорку, что и относительно расовых общностей: существуют также женщины, которые превосходят мужчин в мужестве в бою, в лидерских качествах и в трудоспособности. Это вовсе не противоречит тому функциональному различию, которое добавляет их полу.

Семья

Эта специализация подтверждается, прежде всего, в семье, теоретически полной биопсихической группе, результат объединения мужчины и женщины. Семья – это ясно очерченная функциональная группа: ее главным заданием является зачатие и воспитание детей. Мы знаем из наших исследований в первой главе этой книги, что человеческое существо получает от своих родителей совокупность своего наследственного материала. Человек – это наследник, не только того, что он получает после своего рождения, но и, и прежде всего, с тем, что он есть. И миллионы воспитателей в мире посвящают себя заданию направлять ребенка между хорошими и плохими потенциальными возможностями его жизни, но никто или почти никто не занимается выбором родителей, из которых исходят, все же, эти возможности, или же этот выбор основывается на экономических соображениях, которые не имеют почти никакого отношения, особенно в современном обществе, к биопсихическим реалиям. Новейшая история знала, однако, различные формы ценного выбора, при которых традиция продолжалась в определенных, к сожалению, все больше и больше ограниченных средах. При Старом режиме, форме правления при французском абсолютизме (до 1789 года), дворянство передавалось в наследство по отцу; при этом не учитывалось то, что мать передает возможным потомкам так же много генов, как и отец. Но привычка вообще дополняла закон, так что неравные браки, т.е. те, которые назывались «несоответствующими по социальному положению браками», оставались исключением. Определенные военные ордена во Франции оказывались особенно строгими в этой области и требовали от своих членов доказательства дворянского происхождения до четвертого поколения. Королевские семьи даже еще сегодня, за определенными исключениями, вступают в брак только между собой. Отметим, наконец, что более старая история сообщает об определенных семьях, которые – по этническим или просто биопсихическим причинам изолированные среди стоящего ниже населения, как белые владетели инков до Колумба в высокогорье Анд и также белые фараоны последней династии Египта – с помощью строгого соблюдения кровного равенства в своих браках смогли сохранить свои особенные качества.

Наследственная дифференциация и функциональная специализация

Рассмотрим подробнее упомянутый выше момент. Возьмем находящееся в состоянии формирования общество, вроде общества поселений у североамериканской границы (фронтiera) девятнадцатого столетия. На Запад двигались только жаждущие приключений и предприимчивые люди. Тот, кто обладал лидерскими качествами, соответствующим физическим строением и достаточным интеллектом, естественно, собирал вокруг себя сильных и мужественных индивидуумов, которые были, однако, неспособны руководить боевыми действиями против индейцев и обустроить свое господство в прерии. Другие, которые были умны, но менее отчаянные и неспособные приказывать, устраивали лавки и трактиры. Ориентация на определенную функцию в окружающей среде, где ни имущество, ни традиции не играли роли, происходило только на основании индивидуальных биопсихических способностей человека, так же как в начале средневековья в Европе. Это положение, очевидно, не то же самое, как в организованных – и при этом плохо организованных – современных обществах. Существующий порядок давит энергичные личности, которые хотят подняться, и в то же время он искусственно поддерживает стоящих ниже существ на том уровне, который не соответствует их меньшим способностям. Если мы рассмотрим, тем не менее, общности, а не только индивидуумов, то мы заметим, что все еще существует соответствие между функцией и наследственным материалом того человека, который ее выполняет. И это получается совсем просто потому, что в современном обществе, как и в поселениях на фронтиере, хотя только в более незначительном масштабе, всякая функция требует особенных биопсихических качеств. При самом ориентированном на всеобщее равенство режиме нельзя просто так назначить корабельного юнгу капитаном. Следовательно, социальная градация основывается на биопсихическом отборе индивидуумов, которые соответствуют требованиям различных функций. И с этой точки зрения правильно присоединиться к словам [Жоржа Ваше де Лапужа](#) о том, что определенные общественные слои «привлекают» существа определенного типа.

Значение функциональной дифференциации

Функциональная типология общественных единиц так же относительна, как и функциональная типология рас: она основывается на частоте появления признаков, которые все вместе только в виде исключения встречаются у отдельного лица. Просто – и социология как психология часто делали это – установить наличие не только одного определенного функционального типа для каждой единицы, а нескольких типов, также как подтвердить на экспериментальной основе сходства, которые проявляются в той или иной области между типами, которые принадлежат к совершенно различным общностям. Между аристокра-

том и интеллектуалом «среднего класса» может, во всяком случае, быть меньше различий с той или иной точки зрения – и, в общем, это обычно так и случается, чем между обыкновенным аристократом и провинциальным мелким помещиком дворянского происхождения, который во многих отношениях больше походит на крестьянина, чем на своего собрата по сословию. Что это должно значить? Просто дело в том, что каждое сословие или каждый класс охватывает в действительности разнообразие различных профессий, представляющих функциональные подкатегории, которым, естественно, соответствуют также различные биопсихические типы. Внутри дворянства имеются государственные деятели, офицеры, дипломаты, интеллектуалы, землевладельцы; в пролетариате есть грузчики, механики, закройщики и т.д. Среднее сословие еще более комплексное. Но есть профессии, которыми занимаются в нескольких сословиях: общие признаки перекрывают различия. О мелком помещике, т.е. о мелком фермере дворянского происхождения, с уверенностью говорят: «Это крестьянин», но его никогда не перепутают с фермером другого социального происхождения, даже если тот намного богаче фермера-дворянина. Иначе выражаясь: ранг стоит выше профессии, но профессия из-за этого не меньше отражается на различных уровнях социальной иерархии. Существует вертикальное различие: иерархическое; и горизонтальное: профессиональное, и воздействия этих различий соединяются. Если говорить в общем, то первое, иерархическое различие сильнее. Грузчику легче стать механиком, чем дипломатом, как и мелкому помещику проще стать офицером, чем ремесленнику. Если кто-то сомневается в наследственной функциональной дифференциации, то ему следует вспомнить о фразе, которой злоупотреблял Лев Троцкий: «Свойственная пролетариату от природы неспособность стать правящим классом», или поставить несколько произвольно взятых портретов членов старой русской аристократии рядом с фотографиями каких-то лиц из советской бюрократии, которые произошли из низших слоев населения, без того чтобы время уже смогло оказать свое действие. Биопсихическая градация общества настолько ярко выражена, что она иногда превосходит даже различия между большими расами, заметьте, тем не менее, что она при этом не разрушает их. Японский аристократ с относительно высоким ростом и длинным черепом, с тонкими чертами лица, стоящими прямо глазами, с лидерскими качествами, мужеством и чувством собственного достоинства часто уже в физическом плане оказывается ближе к европейскому аристократу, чем к своему земляку-японцу грубого биопсихического типа, с его низким ростом, косыми глазами и плоским носом.

Естественный отбор

Однако, не менее хорошо следует понимать, что функциональная дифференциация оказывает свое воздействие только в рамках рассматриваемой этнической общности. Там, где она предписывает это, она с помощью выбора и придания формы актуализирует возможности человеческого «сырья», которые в существенной степени зависят от расы. Но мы должны добавить: и от нынешнего состояния этой расы. Потому что отнюдь не все равно, молода ли эта раса или стара. Раса молода, если жизненные условия ее членов остались простыми и не принудили их уподобиться друг другу, и из-за этого слишком часто оказываться вынужденными выбирать между своими естественными возможностями. Одно сравнение позволит нам лучше понять эту проблему: хорошо одаренный ребенок может выбирать между естественнонаучным образованием и гуманитарным образованием, но мужчина шестидесяти лет не сможет воспользоваться этим выбором, который направил его дух раз и навсегда, и никакое функциональное изменение не принесло бы в этом отношении положительных результатов. Во все не все равно, сильна раса или выродившаяся, потому что ее выдающиеся качества обладают особенной качественной степенью, и эта степень, как и сами качества не у всех членов рассматриваемой общности одинаковы в определенный момент ее истории. Некоторые индивидуумы истощены от недоедания, алкоголики, сифилитики или также просто слабые. Другие, напротив, в полной мере обладают силами своей расы. В условиях примитивного существования слабые умирают еще до того, как они достигают возраста, когда смогут произвести потомство.

«Сырье», на которое воздействует функциональная дифференциация, таким образом, благодаря такому естественному отбору обладает максимумом возможностей. Сегодня это больше не происходит. Биопсихическое общественное устройство требует не только функциональной дифференциации, но и, и это в первую очередь, ограничения стоящих на низком уровне элементов, это значит функционально непригодных и опасных для общества маргинальных групп. Без такой очистки раса вырождается. Возможное рождение отягощенного наследственным сифилисом гения – это не возмещение биопсихического упадка всей общности. С другой стороны, нам не кажется, что прежние столетия, которые еще пользовались благотворным воздействием естественного отбора, были значительно беднее выдающимися людьми, нежели наш век.

Экономическая дифференциация

Современный мир очень далек от того, чтобы жить в естественном состоянии. Его общественная структура пренебрегает законами биополитики, хотя многое было спасено из прежнего порядка, который основывался на биопсихической дифференциации, и хотя реалии человеческой природы часто доказывают свое превосходство над утопиями всеобщего равенства. С другой стороны, мы можем констатировать, что эти утопии имеют лишь деструктивный характер всюду, где они могут победить и утвердиться, и оказываются неспособными заменить старый порядок вещей какой-либо устойчивой связанной конструкцией. Либеральное общество не смогло достичь невозможного равенства. Оно ограничилось тем, что заменило биопсихическую дифференциацию экономической дифференциацией, которая извратила все ценности. Богатство вместо инструмента, который находится в распоряжении у ведущего слоя общества, стало средством, чтобы получить доступ к власти над обществом. В другие времена люди были богаты из-за того, что играли ведущую роль. Сегодня, в либеральном обществе, люди отдают приказы по той причине, что они богаты. Социальная иерархия определяется экономическим различием, которое разделяет классы друг от друга. Система, которая делает деньги не привязанной к функции ценностью, а критерием общественной иерархии, представляет собой с точки зрения биополитики, несомненно, апогей чудовищности.

Отрицательный отбор

Так же как либеральный капитализм старается разрушить качественный порядок общества, так и современная псевдоцивилизация приложила все усилия, чтобы подавить естественную селекцию. Искусственные жизненные условия, которые она создала, позволяют существование таких индивидуумов, которые, по причине своей биопсихической неполноценности, в другие времена исчезли бы. Если медицине при случае удастся спасти жизнь ценных людей, то, все же, она расходует самую большую часть своего времени на то, чтобы помогать слабым, страдающим наследственными болезнями и вырожденцам, которым она позволяет продолжать жить, что было бы не настолько плохо, как то, что они размножаются и могут таким образом вредить будущим поколениям. Параллельно к этой противоестественной деятельности, из которой извлекают пользу вредные для общности элементы, современный мир осуществляет настоящий отрицательный отбор. Войны раньше были далеко не столь кровопролитны, как сегодня. Они требовали от воюющих сторон таких физических и моральных качеств, отсутствие которых означало смерть. Они поэтому вызывали насильственный естественный отбор, особенно среди дворянства, которое таким образом выигрывало в силе, хотя и теряло, вероятно, в количестве. Сегодня война

требует от того, кто переносит ее, все меньше мужества. Убийственная в самом прямом смысле этого слова, она поражает, прежде всего, самую лучшую молодежь, которая собирается в элитных войсках. В их рядах мужество – это фактор смерти. Лучшие силы жертвуются в пользу слабых и трусливых, которые остаются в арьергарде. У обозначаемых как гражданская война беспорядков, являющихся последствием этого, есть еще более отчетливый результат: аристократия, результат многотысячелетнего отбора, искореняется массовым убийством, изгнанием или навязыванием ей таких жизненных условий, которые вызывают ее быстрое вырождение. Одним словом, гражданская война убивает добровольцев, которые одним только своим пребыванием на передовой уже доказали свои высокие моральные качества.

Аристократия и элиты

В то время как значительно поредевшая в результате войны или классовой борьбы – или и того и другого – аристократия обновляется посредством того, что принимает в свои ряды более высокие элементы буржуазии или пролетариата, многие из тех, которых она присоединяет к себе, находят этим путь к своей самореализации, но они вызывают этим также качественное обеднение слоев, из которых они сами происходят. В любом органическом обществе каждая группа так же иерархически структурирована внутри себя, как и сама общность в целом. Когда ведущий слой общества привлекает к себе естественных лидеров из второстепенных групп, он приводит эти второстепенные группы в беспорядок и со временем разрушает их. Это с любой точки зрения извращенный расчет, так как расовое обеднение нижних слоев вызывает их биопсихическое вырождение и как раз вследствие этого – истощение источников для необходимого обновления аристократии. Мы ни в коем случае не противоречим здесь самим себе. Это нормально и необходимо, что аристократия – или в самом общем понимании этого слова руководящий слой – принимает мутантов, которые происходят из элит нижестоящих слоев. Но это вредно, если она полностью поглощает эти элиты, ибо их существование необходимо для хорошего функционирования всей общности.

Биопсихическое неравенство общности

Отрицательный отбор, важнейшие особенности которого мы кратко проанализировали, – это не единственный фактор биопсихического дисбаланса, который вызывает «прореживание», сокращение более высоких элементов населения. Мы должны указать также еще на одно явление, которое параллельно к тому, что мы установили в области расовой борьбы: относительная стерильность сло-

ев наивысшего уровня по сравнению с плодовитостью более низких. Это бесспорный факт, что у принадлежащих к верхнему слою семей меньше детей. Материальные причины этого состояния разнообразны: трудности с проживанием и уходом, недостаточные средства в сравнении с расходами для более высокого образа жизни, женский труд и т.д. Добавим еще страх материнства у женщин, которые, даже если они не работают в какой-либо профессии, хотят отказаться от своей естественной роли, ослабление религиозных предписаний и традиций, а также физиологическое вырождение, результат городской окружающей среды. Итак, если увеличение численности цветных этнических общностей уже представляет собой большую опасность для общностей белой расы, то увеличение численности неполноценных с биопсихической точки зрения элементов внутри самих белых общностей – это уже свершившийся факт. Разумеется, еще существуют многочисленные не выродившиеся потомки старых дворянских родов, и функциональное формирование со временем было бы достаточным, чтобы восстановить руководящие слои, которые заслуживают этого наименования. Но более сложным представляется нам двойной процесс количественного упадка аристократии или заменяющих ее буржуазных руководящих слоев при одновременном увеличении численности неполноценных элементов; процесс, который происходит с ускоренным ритмом. Никто не может предсказать его скорый конец, и ничего не делается для того, чтобы задержать его – скорее наоборот. Наше либеральное общество идет навстречу унифицированному состоянию посредственности, общему замешательству, которые ставят окончательную границу преобладанию белой расы и которые, стоит лишь органическим общностям сначала превратиться в стада, приведут их к их концу.

Исчезновение биопсихического общественного устройства

[Гобино](#) видел единственный фактор декаданса этнических союзов и разрушения цивилизаций в бастардизации (т.е. метисизации или гибридизации, межрасовом смешении). Между тем мы знаем, что биопсихическое вырождение может возникнуть просто благодаря изменению окружающей среды. Белые люди, которые поселяются в тропиках, вырождаются. Общности, которые разрушают свое биопсихическое общественное устройство, вырождаются. Наше время страдает не только от бастардизации, но и от функционального уравнивания полов, смешения слоев общества, реабсорбирования элит и лишеного своих функций дворянства. Как провозглашал Моррас уже больше полувека назад, золото побеждает кровь. Потеряно ли все? Нет! Так как белая раса – это не жертва судьбы, а жертва своей собственной недобросовестности. Плохая политика – это причина упадка естественного порядка. Хорошей политики было бы достаточно, чтобы восстановить условия для возрождения.

КОЛИЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ

Жизненное пространство

Наши прежние констатации – разумеется – справедливы для автономных общностей при их возможных насильственных конфликтах. Те, у которых плотность населения выше нормальной, пытаются восстановить равновесие с помощью эмиграции или захвата новых территорий. Это означает – мирное или вооруженное – вторжение на чужую территорию с меньшей плотностью населения. Это определение заставляет нас дополнить наши более ранние исследования в новом свете. Когда мы делали их, мы исходили из пространства, чтобы прийти к концепции оптимальной плотности населения. Метод, который мы применили при этом, не произволен, так как он соответствует естественной реальности экологического равновесия. Но мы хорошо знаем, что размер желательного населения можно так же хорошо определить в соответствии с имеющимся в распоряжении пространством, как и рассчитать необходимое пространство для данного населения. Теоретически этот последний подход является более удовлетворительным, так как у человека, естественно, сначала есть его географические рамки. Но на практике эти рамки не всегда соответствуют его реальным возможностям. Пространство государства, в общем, не растяжимо, хотя бывают и такие случаи, что когда-то неиспользованные области могут быть заселены благодаря новым формам техники, и территории с незначительной плотностью населения не всегда открыты для переселения, и еще меньше территорий имеется в распоряжении для переуступки суверенитета. Отсюда и военные конфликты, при определенных обстоятельствах возникающие между перенаселенными государствами и другими, плотность населения которых лежит ниже оптимальной точки, которая, вероятно, не соответствует их собственному техническому уровню, пожалуй, однако, соответствует уровню первых. Исходя из количества населения, мы можем определить территорию, необходимую для общности, чтобы достигнуть оптимальной плотности населения, для которой она может приложить все свои силы. Владение и, возможно – в рамках существующей доступности – захват этого жизненного пространства соответствует естественному праву. Это не значит, что осуществление этого права справедливо само по себе, как это не значит и того, что наличие этого права в силу необходимости устраняет право того же самого вида, которое могло бы по праву принадлежать другому государству с меньшей плотностью населения. Не будем забывать, что оптимальная плотность населения соотносится с уровнем технического развития и поднимается вместе с ним. У государства, которое живет, к примеру, за счет земледелия и животноводства, есть другие потребности в земле, чем у промышленного государства, которое считается полупустым. Германия в 1941 году искала свое жизненное пространство в Советском Союзе, где плотность населения была значительно ниже. Все же, эта страна по причине оптимальной плотности,

происходившей от низкого уровня ее техники, который был намного ниже уровня Германского Рейха, не обладала уже никаким пространством, которое было бы для нее «лишним». Речь тут шла о конфликте между двумя естественными правами, из которых одно было столь же заслуживающим внимания, что и другое, если мы оставим без внимания качественные рассмотрения иного рода. Этот пример Германии лучше всего подходит для того, чтобы показать нам, насколько относительным является жизненное пространство. С плотностью населения, которая существенно выше, чем перед войной, западная часть Германии стала страной иммиграции: технический прогресс настолько расширил ее оптимальную плотность, что ее нынешнего населения недостаточно. Внутренний демографический дисбаланс, последствие войны, несомненно, способствует тому, чтобы усилить этот феномен. Но это – не единственная или даже не самая важная причина, так как Швеция и Швейцария, которые оставались вне конфликта, точно так же импортируют рабочую силу.

Демографическое планирование

Если государство выходит за рамки своей оптимальной плотности населения или склоняется, все же, к этому, не имея возможности или не желая при этом захватывать жизненное пространство, которое соответствует его нынешним и будущим потребностям, то единственное решение, остающееся ему, чтобы справиться с данной проблемой, это искусственное ограничение численности населения. Поэтому к естественным факторам – биологическому и социальному – демографического равновесия добавляется интеллектуальный фактор, который дополняет другие и устраняет их возможные недостатки. Добровольное ограничение численности населения ни в коем случае не является достижением нашего столетия и также не возникает впервые как следствие грубо упрощающих теорий Мальтуса. Оставление на произвол судьбы стариков – как непродоводительных потребителей – использовалось и все еще используется многочисленными примитивными народами, особенно кочевыми племенами, которые ради самого своего существования должны стараться передвигаться без преград. В старом Китае было употребительно и позволено убивать грудных детей женского пола, чтобы снизить будущую рождаемость.

Независимо от этих примеров это хорошо известный статистический факт, что у цивилизованных народов в пределах городского населения размножение ограничивается искусственно, в общем, по экономическим причинам, и в слоях с наивысшим культурным уровнем еще и с целью увеличения похотливых удовольствий, часто с очень отрицательными последствиями. То, что следует из произведений Мальтуса сначала в области идей и после этого также на практике, это демографическое планирование путем контроля рождаемости. Мы долж-

ны сразу же констатировать, что принцип и метод, которые здесь рассматриваются, вовсе не неразделимы друг с другом. Так как установленным фактом является то, что человек является мыслящим и политически действующим существом, то вполне нормально, что он использует свои интеллектуальные способности, чтобы решить такую трудную проблему, особенно если учесть то обстоятельство, что эта проблема в значительной степени существует именно потому, что биологические факторы демографического равновесия были искусственно устранены. Планирование населения хочет сбалансировать сокращающее воздействие этих факторов с помощью интеллектуального применения социальных факторов. Нет ничего естественнее этого. Контроль рождаемости напротив, если даже верно то, что он может при определенных обстоятельствах, как в Японии после Второй мировой войны, стабилизировать численность населения, вызывает серьезные неравенства качественного вида, последствия которых в долгосрочной перспективе хуже тех, что происходят от количественного дисбаланса. С помощью стерилизации, распространения методов и средств контрацепции и разрешенных по закону аборт контроль рождаемости хочет – и это ему часто удается – удерживать на низком уровне именно долю детей в общей численности населения. Но при этих обстоятельствах общество стареет. Эскимосы, которые оставляют своих стариков на льду, устраняют этим индивидуумов, которые уже выполнили свою функцию в обществе, и от них в этом смысле уже ничего не нужно ожидать, ибо они, таким образом, окончательно стали непродуцательными потребителями. Ограничение рождаемости означает, напротив, устранение только временно непродуцательных потребителей, это значит – потенциальных продуцентов.

Если рассматривать этот вопрос с другой точки зрения, то контроль рождаемости касается, прежде всего, слоев населения с наивысшим интеллектуальным уровнем и – если смотреть во всемирном масштабе – рас с наивысшими умственными способностями, потому что применение рекомендованных для ограничения рождаемости методов так трудно объяснить и еще тяжелее понять. Это вызывает качественный дисбаланс трагических последствий. Было бы гораздо удовлетворительнее устранять бесполезных по той или иной причине индивидуумов. Но достаточно странно: те, кто сегодня называют себя цивилизованными, выступают за аборт, т.е. за убийство живого существа в лоне матери, но при этом с большим отвращением отвергают эвтаназию, т.е. смерть неизлечимо больных ради избавления их от мучений. Они искусственно поддерживают жизнь человеческих чудовищ, но одновременно предотвращают рождение здоровых детей, среди них также тех, кто, вероятно, обладает самой высокой потенциальной ценностью. Это наихудшая из ошибок. Мы до сих пор не говорили в этом абзаце о том, что планирование населения нужно объяснять избытком населения. Вполне понятно: может быть также противоположная причина. Страны, плотность населения которых лежит ниже оптимальной границы, могут

выбрать два пути, чтобы устранить свой недостаток в этой области: стимулирование рождаемости с помощью экономических, психологических и социальных мероприятий, как это делали Италия и Германия перед Второй мировой войной, и иммиграцию. Первый подход не создает проблем. А вторым мы займемся в следующей части.

МИГРАЦИИ

Эмиграция и ее последствия

Если социолог интересуется всеми причинами, даже личными, феномена миграции, так как от них зависит рассматриваемый процесс, он принимает во внимание только его общественные последствия. С точки зрения страны происхождения у каждой эмиграции есть один принципиальный эффект, который всегда является одним и тем же, но значение его существенно меняется вместе с обстоятельствами: уменьшение количества населения. В экстремальном случае всеобщего перемещения или полного рассеяния населенная до сих пор общностью территория опустошается и остается в распоряжении тех, кто вызвал этот процесс, или прибывшего туда позже народа колонистов. Больше здесь нечего добавить. Но если этот феномен, напротив, является только частичным, то следует заняться проблемой его положительных и отрицательных последствий. Очевидно, прежде всего, что каждое человеческое существо, если не учитывать случаи заболевания, обладает определенными фактическими или потенциальными производительными способностями. Если эмигрируют активные в настоящий момент производители, то последствия, естественно, отрицательны, что еще более справедливо для эмигрирующих детей – потенциальных производителей, которые только в данный момент еще не являются производителями – хотя первоначально определенное повышение благосостояния и становится возможным ввиду того, что исчезают потребители, которые не удовлетворяют свои потребности собственным производительным трудом. С количественной точки зрения эмиграцию можно оценивать положительно только в том отношении, когда она позволяет восстановить или сохранить оптимальную плотность населения, или если она избавляет общность от потенциальных производителей, которые из-за недостатка необходимых для этого средств никогда не смогли бы стать настоящими производителями и остались бы лишь непроизводительными потребителями. Тем не менее, мы уже видели, что оптимальная плотность населения – это функция уровня развития. То, что мы здесь установили, касается, таким образом, общности, у которой по той или иной причине нет возможности улучшить свой индекс использования имеющихся ресурсов или открыть новые ресурсы в этой области. Когда дофашистская Италия позволяла

эмиграцию или даже содействовала ей, она частично решала этим проблему безработицы, теряла, однако, возможности, использование которых, как позже доказала история, позволило снова включить безработную рабочую силу в процесс производства и улучшить уровень развития страны. Тем не менее, количественный взгляд на этот процесс – не самый важный. Если эмиграцию и можно оценивать с этой вышеупомянутой точки зрения положительно или отрицательно, то она оказывает, все же, очень различные воздействия в качественной области в зависимости от уровня тех, кто покидает родину. Для государства не одно и то же: потерять рабочих физического труда, которых относительно легко можно заменить в их работе со все более самостоятельно работающими машинами, или же лишиться интеллектуалов и техников, являющихся незаменимыми факторами любого прогресса, все равно в какой именно области. Эмиграция квалифицированных специалистов, которая происходила с межвоенного периода из Европы и Аргентины в США, имела для стран происхождения эмигрантов определенно гораздо более тяжелые последствия, чем перемещение рабочей силы с той же самой целью в прошлом столетии, даже если это перемещение, как в случае Германии, создало демографические пустоты, которые никто снова не заполнил. Миграцию того слоя, которую можно обозначить как отбросы общества, нужно в любом случае оценивать положительно. Эти люди могут ассимилироваться или нет, но это никого не заботит. Если же эмигрируют «творцы», «созидатели», «производители», как Жорж Ваше де Лапуж называет высококачественные элементы рассматриваемого переселенческого движения, тогда это в любом случае катастрофа, особенно в наше время, когда масса утрачивает многое из своего значения как фактора власти.

Биотипология эмигранта

Следовало бы знать, существуют ли какие-то общественные законы, которые применяются к качественным признакам эмигрантов, или же добровольная эмиграция человеческих существ руководствуется субъективными факторами, которые одинаково влияют на все биосоциальные типы. Мы привыкли встречать в этой области резкие, но не особенно обоснованные мнения, и никто не сможет когда-либо точно определить, почему именно кельтские народы первыми достигли побережья Атлантического океана: потому что они были самыми смелыми – или же потому, что они могли убежать быстрее, чем все остальные... Оставим в нашем исследовании без внимания кочевые народы, территориальная неустойчивость которых вызывается постоянной экономической необходимостью, а также вынужденных эмигрантов, перемена места жительства которых повинуется причинам, не имеющим ничего общего с их природой. Итак, мы рассмотрим исключительно отдельных лиц, которые, хотя они могли бы оставаться у себя на родине, хотят стать жителями иностранных государств в отдельности или в

сопровождении своих семей. Мы можем сразу подчеркнуть, что у всех этих людей есть одна общая особенность: они лишены корней, одновременно не приспособлены к своим новым жизненным условиям и готовы разорвать те узы, которые соединяют их с их прежней геосоциальной средой.

Эти люди двояким образом, материально и психически, независимы от общности, составной частью которой они являются – будь это по той причине, что они чувствуют себя отличающимися от других членов общности, или же потому, что у них – оправданно или нет – есть впечатление, что другие члены общности отвергают их. Эмигрируют два типа людей: авантюрист и аутсайдер. Авантюрист, часто человек высокого, стройного типа, эмигрирует для того, чтобы вдали от своего окружения, которое ограничивает его возможности самоутверждения, найти такие общественные условия, которые позволяют ему в полной мере воплотить в жизнь свою волю к власти. Как «создатель» или «творец» он не находит в своей исходной общности то место, которое подходит ему – по его мнению – и поэтому он без больших колебаний решается искать его в других местах. Это были авантюристы: завоеватель, потомок аристократической фамилии и мародер, которые по очень разным причинам несколько столетий назад отправились в Америку. Сегодня авантюрист – в самом широком смысле слова – это интеллектualan, который хотел бы найти более благоприятное поле для своих исследований вне своей страны. Появляется также политический беженец, в общем, человек такого же биотипа, даже если авантюра – это не цель, а причина преследований, от которых он страдает и бежит. Это касается также нонконформиста в религиозных вопросах.

Аутсайдер представляет собой почти полную противоположность предыдущему типу. Он – «ассимилянт» или иногда даже просто отброс общества, преимущественно с коренастой формой тела, эмигрирующий вследствие своей относительной неспособности, крайней неполноценности, которая мешает ему сохранить свое положение или даже – в крайних случаях – выжить на своей родной земле. Если происходит какая-то катастрофа естественного вида как, например, болезнь картофеля в Ирландии (которая вызывала там сильный голод в 1845-1846 годах), или если прирост населения происходит быстрее, чем технический прогресс, так что на определенной территории возникает переизбыток населения, тогда аутсайдерами-иммигрантами становятся те, у кого не остается никакого другого выбора, кроме как убраться прочь, также те, кто не может действительно и успешно защищаться в борьбе за существование против более умелых: самые плохие крестьяне, самые плохие рабочие, самые плохие купцы, а также работники ручного труда без какой-либо профессиональной квалификации, которые не добились бы ничего и в нормальные времена.

Двойное воздействие сита миграции приводит, таким образом, в страны иммиграции и выдающихся, и очень неполноценных индивидуумов, почти совсем без людей со средней ценностью. Так как речь при этом в большинстве случаев идет о колониях или сильно удаленных от столицы провинциях, первые укрепляются отправленными правительством функционерами, а число вторых иногда увеличивается за счет уголовных преступников, которых высылают туда в качестве наказания. Между элитой и массой эмигрантов, конечно, нет никакой постоянной связи. Но само собой разумеется, что первый из этих обоих слоев остается в численном порядке всегда крохотным, если сравнить его со вторым.

Иммиграция и процесс ассимиляции

Прибыв в другую страну, эмигрант – теперь уже иммигрант – внезапно оказывается в новом мире, в который он включается, это значит, что он должен к нему приспособиваться. Если он не принимается этническим или национальным меньшинством того же самого происхождения, что и он сам, в чужой стране, то он должен изменить свой образ жизни и также в определенной степени свой образ мышления, чтобы жить в гармонии с местным населением и получить удовлетворительное место в общности. Так для него начинается более или менее длительный и более или менее успешный процесс ассимиляции. Ритм и результаты этого процесса принципиально зависят от уровня близости по существу, по духу, существующей между иммигрантом и окружающими его в новой стране людьми, в среде, в которой он должен найти свое место. Раса представляет почти непреодолимый барьер в этой области, если речь идет о в корне различных этнических общностях – как в случае Великобритании при переселении с Антильских островов после Второй мировой войны – причем стихийно возникает режим строгой расовой сегрегации, который можно преодолеть только в результате длительного процесса смешения. Цивилизация и культура – и особенно язык – оказывают свое воздействие только во вторую очередь, по меньшей мере, для образовавшихся еще перед переселением семейных групп.

В Бостоне англичане ассимилируются легче, чем итальянцы – и полностью противоположно обстоит дело в Буэнос-Айресе. И немцы находят свое место среди местного населения в США легче, чем в Бразилии. Но все стоящие выше структур факторы превосходит религия, во всяком случае, в том, что касается не состоящих в браке иммигрантов и, в особенности, их последующего поколения, так как религия во многих случаях определяет вступление в брак. Против ассимиляции действует в некоторой степени, если вообще действует, национальная гордость иммигрантов, особенно если они образуют крупные колонии, как японцы в Бразилии. Пропаганда страны происхождения людей может влиять на процесс, как в случае итальянских и немецких иммигрантов перед Второй миро-

вой войной, но она не ставит его под сомнение. Американцы французского происхождения из штатов Новой Англии в США, потомки иммигрантов из Квебека, сохранили свой язык и называют себя французами, хотя они граждане Соединенных Штатов и уже два столетия разделены со своим отечеством. Они даже не смешиваются с жителями Северной Америки ирландского происхождения, хотя американские ирландцы такие же католики, как и эти американские французы. Наконец, личные условия иммигранта также играют роль. Мужчины приспособляются легче, чем женщины, дети скорее, чем взрослые, открытые для всего мира, экстравертные типы скорее, чем замкнутые, в то время как способность к ассимиляции творческих типов весьма различна. В принимающей общности открытость по отношению к новоприбывшим как со структурной точки зрения, так и в области психосоциальной готовности, тоже играет свою роль. Но при самом большом обобщении страны иммиграции открыты и готовы к приему новых людей. Они, тем не менее, гораздо больше открыты по отношению к стоящим ниже – и поэтому тем, «которых можно лучше использовать», – чем по отношению к стоящим выше, способностей которых боится местный верхний слой. Хозяева, естественно, предпочитают слуг вместо равных себе по положению, которые могли бы конкурировать с ними во власти.

Иммиграция и ее последствия

Иммиграция влечет за собой тяжелые опасности для демологического единства принимающей переселенцев страны. Существенно дифференцированные расовые группы могут проникать в население, как это случилось с неграми в США, что не приносит никакого другого успеха, кроме возможной бастардизации, которая уменьшает уровень этнической субстанции государства. Мы, тем не менее, придерживаемся того мнения, что сущностное преобразование принимающей переселенцев страны в результате волн миграции не всегда является негативным явлением. Почти полностью европейское по своему происхождению население сегодняшней Аргентины, к счастью, едва ли уже имеет какое-то отношение к тому, чем оно было – почти полностью метисизированное – больше ста лет назад, до того, как началась массовая иммиграция итальянцев и испанцев. Кроме возможных опасностей потери однородности народа и возможности принципиальных демологических изменений, у переселения почти всегда есть последствия, которые в равной степени как вредны, так и неизбежны. Первое – это ухудшение качества. Числовое соотношение между стоящими выше и стоящими ниже индивидуумами при каждой волне миграции не только всегда значительно уступает этому соотношению в той или другой стране происхождения иммигрантов, но и ниже уровня принимающей переселенцев страны, где человеческие массы раньше формировались двойным процессом иммиграции и отбора. Сначала часть переселившихся людей низкого уровня, кажется, увеличива-

ет власть общности в пользу уже раньше имевшихся ее членов, в особенности, ее руководящего слоя. Но в процессе того, как иммигранты ассимилируются, находящиеся ниже элементы смешиваются с аборигенным населением. Наконец, они образуют подчиненный слой ниже собственно настоящей общественной структуры вроде рабов в Риме, и они как вольноотпущенники включаются в целое, если они даже не поглощают его. Качественный уровень населения падает, и только через длительный процесс образования и отбора будет возможно поднять его снова. Другим отрицательным последствием, причем неизбежным, является расщепление социальных структур. У иммигранта нет никаких соединяющих уз с населением, в которое он физически входит. Обычно он приезжает с женой и детьми, или он женится на землячке. Он затем уединяется в своем семейном кругу, не поддерживая других контактов с соседями, кроме как в рамках своей профессиональной деятельности. Даже если он присоединяется к колонии своих земляков, то он находится среди незнакомых ему прежде людей. И отношения, которые он поддерживает с ними, очень далеки от того, чтобы заменить те отношения, которые он оставил в своей родной деревне, где все были в той или иной степени родней друг другу. Так общности угрожает опасность того, что она превратится в мозаику почти изолированных семей. Общественное расщепление проявляется еще больше в области надструктурных отношений. Иммигрант не знает истории страны, куда он приехал, или он, по меньшей мере, не считает ее своей собственной. Он склоняется к тому, что критикует обычаи и привычки, которые чужды ему, и он остается иностранцем в чуждой ему традиционной культуре, которую он не в состоянии принять. Хуже того: время приукрашивает воспоминания о потерянном отечестве, и тоска по родине овладевает иммигрантом. Ежедневная жизнь общности, к которой он принадлежит как к чему-то вроде «иностранного легиона», оставляет его безразличным, и еще больше его собственное будущее. И дети, разрывающиеся между родительским домом и школьной партией, либо делают выбор в пользу первого и дальше ощущают себя чужаками, либо они позволяют школьному образованию так воздействовать на себя, что они начинают пренебрегать своими родителями-«гринго», как говорят в испаноязычных странах Америки, и разрывают или, по крайней мере, ослабляют те узлы, который связывают их с единственной группой, которая могла бы дать им структурную основу. Отсюда безразличная позиция и склонность к социальному паразитированию, которые являются столь характерными для очень многих потомков иммигрантов – иностранцев в собственной стране.

Внутренние миграции: геосоциальная нестабильность

Межгосударственные миграции населения – не единственное явление, которое позволяет нам производить исторические наблюдения и анализы. Какими бы значительными они ни были, их все же можно рассматривать в качестве исключений, если сравнить их с перемещениями, которые совершаются внутри любой страны. Не считая случаев преследований, для кого-то, кто чувствует необходимость или даже только потребность покинуть землю, на которой он родился, намного проще просто сменить региональное окружение и сохранить так преимущества своей унаследованной приспособленности и приобретенных культурных жизненных условий, которые изменяются только в незначительном объеме. Это не говоря уже о намного большей легкости перемены места жительства на коротком удалении. Независимо от их непосредственных причин, которые мы исследуем позже, внутренние миграции, с одной стороны, принципиально зависят от наследственных качеств – этнических или приобретенных – группы людей, внутри которой они возникают, и, с другой стороны, от ее более или менее выраженной структурной жесткости. Так же, как существуют кочевые народы, которые в целом или в отдельности склоняются к тому, чтобы перемещаться между странами, так существуют и непоседливые, склонные к перемене мест люди также в пределах собственных границ, причинами чего может быть биопсихическое кочевничество или отсутствие соединяющих уз с геосоциальными группами или общностями, которые они образуют. Нужно лишь добавить, что то, что мы говорили о народах, справедливо так же для различных биотипологических слоев внутри каждого отдельного народа. Не случайно, что среди всех оседлых народов Запада с геосоциальной точки зрения американцы США – наиболее склонные к перемене мест люди. В США перемещение населения является почти общим правилом. Американцы меняют дом, город и штат с самой большой легкостью и с удивительной частотой. Нет ничего более логичного. Ведь речь в данном случае идет о населении, состоящем большей частью из сыновей, внуков и правнуков иммигрантов, у которых в крови остался кочевнический дух.

Преобладание нордической расы, которая больше склоняется к перемене мест, чем альпийская, представляет собой еще один наследственный фактор той же тенденции. Однородность социальных форм и структурная аморфность точно так же способствуют геосоциальной непоседливости. С другой стороны, народ с высокой культурой и длительной историей всегда характеризуется большим разнообразием своих групп и своих промежуточных общностей, с одной стороны, и своих обычаев, с другой стороны. Человек – это не просто отдельная часть некоего недифференцируемого целого, и ему не все равно, в каком окружении ему жить. Ведь любое окружение, отличающееся от его собственного окружения, требует от него усилий для приспособления, т.е. таких усилий, ко-

торые отнюдь не всегда увенчиваются успехом. Если же, напротив, царит однообразие, то географическое изменение не приведет к ощутимому изменению условий жизни. Человек из французского Прованса найдет в Бретани новый для себя мир. А янки, который приезжает из Нью-Йорка в Чикаго или даже в Сан-Франциско, почти не замечает воздействий своего переезда, как будто он просто сменил квартиру в одном и том же городе. Если, кроме того, нет никаких других прочных общественных связей, кроме тех, которые привязывают его – до определенной степени – к другим членам ограниченной супружеским очагом семьи, то он ничего не оставляет у себя за спиной, и место жительства для него безразлично. В этом причина того, почему сельскохозяйственный рабочий эмигрирует скорее, чем владелец земли, наемный работник уезжает легче, чем руководитель предприятия, интеллектуалу уехать проще, чем чиновнику, а человеку, потерпевшему крах в жизни, – чем тому, кто занимает свободно избранное им самим место в его местной окружающей среде. Как мы можем увидеть из истории, не случайно, что внутренние переселения всегда обратно пропорциональны к прочности соответствующей общественной структуры. В средневековье их вообще не было, разве только при катастрофах, так как каждый человек исполнял свою унаследованную функцию при строгом, причем даже законном запрете отказываться от нее.

Внутренние миграции: причины и следствия

Не считая постоянных факторов, как мы исследовали их, внутренние миграции соответствуют – заметьте: в любом случае – непосредственным причинам. Это, в общем, те же самые причины, которые мы упоминали раньше в отношении миграций между странами, за исключением политических: поиск новых заработков и давление населения. Мотивы другого вида, которые совершенно непредсказуемы, могут возникать случайно. Например, законы о принудительном делении наследства, которые вызвали чрезмерное разделение земли и вследствие этого сильно способствовали обезлюдению сельской Европы, механизация сельского хозяйства, которая ограничила потребности в неквалифицированных сельскохозяйственных рабочих ручного труда, и в Соединенных Штатах кондционеры на фабриках, сделавшие возможной индустриализацию южных штатов. В особенности уместно рассмотреть отдельно – из-за их объема и характерных признаков – миграции сельских жителей в города, тот феномен, который длится уже два столетия. Непосредственной причиной этих миграций является индустриализация капиталистического типа, которая благодаря созданию фабрик в городских центрах создает все большую потребность в рабочих руках.

Привлеченный огнями города, крестьянин отказывается от традиционной жизни, порывает со своей социальной окружающей средой – включая свою семей-

ную среду – и устраивается в печальном и грязном густонаселенном доме рабочего пригорода. Сельские провинции теряют свое население или, по крайней мере, их население больше не растет, при демографическом рассмотрении, в привычном ритме страны. Большие города, в которых предпочтительно сооружаются фабрики, чтобы находиться как можно ближе к большому рынку потребителей и располагать необходимыми транспортными средствами, раздуваются в чудовищной форме. Из этого двойного следствия происходит другая форма миграции: она откачивает из сельских и провинциальных областей молодых людей средних классов, которые надеются найти в городах предположительно более благоприятные условия жизни. Действительно рост промышленной деятельности и становящаяся все более значительной концентрация населения в крупных городах вызывают постоянное предложение вакансий в администрации и технике и растущий спрос на услуги всякого рода, которые все в значительной степени удовлетворяются внутренним переселением. Это перемещение населения в том виде, в каком мы знаем его уже два столетия, имеет катастрофические последствия с двух точек зрения: качественное обеднение сельских областей и все более усиливающийся дисбаланс больших городов. С одной стороны, самые одаренные и лучше всего образованные молодые люди каждого поколения покидают свои родные места и, возможно, оставляют местное население без руководства. С другой стороны, если не считать исключений, им обычно не удается захватить удовлетворительное место в больших городах, куда они переезжают, так что они только ценой своей неудачи увеличивают и так уже огромные и часто паразитические средние классы. В больших индустриальных странах, между тем, со времени перед Второй мировой войной можно констатировать склонность к децентрализации, которая, если ей и не удастся вылечить большие города от засоряющего их переполнения, все же, по крайней мере, тормозит их чудовищный рост. Маленькие городки индустриализируются, тогда как крупные предприятия переводятся в провинцию, на свободные земли. Это явление позволяет предвидеть возвращение к геоэкономическому равновесию, и, следовательно, также более удовлетворительному распределению населения. Единственным уже необратимым фактом кажется уменьшение сельскохозяйственной рабочей силы, замененной трудом машин.

Планирование миграций

Процесс миграции может изменить человеческую субстанцию государства в качественном и количественном отношении. В случае страны иммиграции он может даже изменить расовый субстрат: это происходит в Аргентине по причине массовой иммиграции индейцев и метисов из соседних стран. Поэтому вполне логично, что государства пытались контролировать перемещение населения с помощью планирования. Вполне понятно, что здесь интересы одних противопо-

ложны интересам других; страна эмиграции будет пытаться сохранить свои ценные элементы дома, в то время как страна иммиграции будет просеивать новоприбывших. В первом случае меры полицейского принуждения, тем не менее, в общем, не будут иметь успеха, и только удовлетворительные условия жизни и работы позволят достичь желаемого результата. Напротив, иммиграцию вполне можно контролировать административным путем с помощью правильного просеивания претендентов. Возможность улучшить наследственные свойства общности путем добавления высококачественных элементов, существует, по меньшей мере, в тех странах, в которые стихийно направляется поток миграции. Искушение количеством и, прежде всего, недорогой рабочей силой – следовательно, людьми более низкого качества – очень часто отражается, к сожалению, отрицательным способом. Но также и без этого те критерии выбора, на которые нужно обращать внимание – раса, биотип, культура, язык, религия, профессиональная подготовка, состояние здоровья и приспособляемость – настолько многочисленны и иногда представляются настолько противоречивыми, что задача эта точно не из легких. Тем не менее, не нужно подвергать сомнению, что среди рассматриваемых факторов есть необходимая иерархия, и что при этом раса находится на первом месте. Можно вылечить больного, обучить неграмотного, научить иностранца языку его новой страны, обратить неверца в правильную религию. Можно, с большими затратами времени, естественно, отобрать элиту из стоящего качественно ниже населения; но никогда не удастся сделать белого из негра и наоборот. Сицилиец вполне приспособляется в Аргентине, но он вводит гены семитского, следовательно, негроидного происхождения – со всеми связанными с этим последствиями – в генофонд страны.

С существенной точки зрения этнического отбора друг другу противостоят две школы. Одна выдвигает принцип кровного родства. Существующая или образующаяся расовая общность могла бы добавлять к своим уже имеющимся элементам только похожие или точно такие же элементы. На этой основе формулировалось действовавшее до 1966 года иммиграционное законодательство США, которое значительно ограничивало допущение ненордических белых иммигрантов и запрещало иммиграцию цветных. Мы, тем не менее, констатируем, что при практическом применении этого закона в отношении белых учитывалось их прежнее гражданство, а не раса, парадоксальным последствием чего стала крупномасштабная иммиграция в США евреев под защитой законных норм, которые были установлены в пользу британских и немецких иммигрантов. Другая школа – это школа расового сбалансирования. Этот принцип у дилетантов часто дает пространство для самых фантастических оценок. Но, выражаясь по-научному, он констатирует тот факт, что расовую общность можно улучшить иным, но более ценным добавлением. С одной стороны, преобладает забота о расовом единстве и, следовательно, об ассимиляции, с другой стороны, о

настоящей ценности желаемого добавления. Мы, между тем, отметим, что теория родства не мешает многонациональным государствам как США и даже Бразилии ограничивать ее применение стоящей выше расой, и что тезис сбалансирования вовсе не недооценивает опасность присоединения слишком многочисленных инородных элементов. Оба принципа, таким образом, дополняют друг друга, причем иногда преобладает то один, то другой из них.

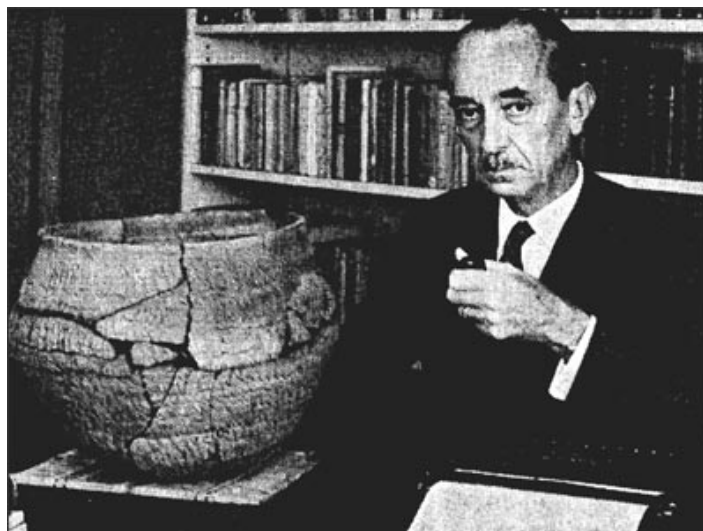
Временные миграции

На краю миграций, которые мы можем обозначить в нашей исторической части как окончательные, всегда существовало и временное перемещение одиночек и групп людей, для обозначения чего употребляется общепринятое выражение «путешествие». Этот феномен с начала применения парового двигателя для транспортных целей приобрел количественное значение, которое после обеих мировых войн еще значительно увеличилось. Его демологическое влияние таково, что мы здесь не можем анализировать его. Временные перемещения бывают трех типов, определяемых их причинами. Одни являются последствием современной войны, которую ведут большие армии военнообязанных. В ходе больших конфликтов нашего столетия миллионы военнопленных в течение долгих лет использовались во вражеской стране в состоянии полусвободы или просто принудительного пребывания как сельскохозяйственная и промышленная рабочая сила. Неизбежно случается так, что молодые мужчины, которые смешиваются среди почти абсолютно женского населения – так как мужчины годного к военной службе возраста были призваны в армию – оставляют значительные следы в генофонде той общественной единицы, которая их принимала. У оккупации побежденной страны, которая может в наше время продолжаться несколько десятилетий, в некоторых частях Германии даже уже больше полувека, есть такое же воздействие. Присутствие цветных французских войск после Первой мировой войны в Рейнланде оставило в этой области весьма заметные расовые последствия по причине большого количества мулатов, родившихся здесь. Но это только один аспект – поистине, самый тяжелый – в ситуации общего порядка, который в еще большем масштабе повторился почти во всей Европе после 1945 года. Временные миграции второго типа происходят по причинам поиска работы, и их последствия похожи на последствия тех, которые мы рассматривали выше. Боливийские, парагвайские и чилийские рабочие, которые каждый год на несколько недель приезжают в Аргентину для уборки урожая сахарного тростника или для стрижки овец, алжирцы, которые нанимаются на несколько лет как фабричные рабочие во Франции, и португальцы, испанцы, греки и турки, которые прибывают в Германию, Швейцарию, Швецию и т.д. и живут с трудовым договором на определенный промежуток времени среди местного населения, и сексуальные отношения которых с женщинами в их окруже-

нии неизбежны, не говоря уже о тех, кто – легально или нет – окончательно становится постоянными жителями принимающей их страны. Чужие элементы проникают так в генофонд принимающих народов, раса которых более или менее медленно, но безвозвратно изменяется. Остаются, наконец, еще временные перемещения, которые самым различным способом являются результатом международного туризма. До 1950 года этот вид миграций населения был в количественном отношении очень ограничен и касался только некоторых немногих городов и областей Европы – Париж, Рим, Швейцария, Лазурный Берег, итальянская Ривьера – куда отправлялись исключительно семьи высокого общественного положения. Сегодня же, в отличие от этого, миллионы путешественников каждый год на несколько недель обрушиваются на принимающие туристов страны. У «светского», привилегированного туризма не было общественных последствий для затронутых им областей. Но он способствовал образованию в странах происхождения, которым он давал ценные культурные элементы – психические и материальные: процесс, который продолжается на более низкой ступени в отношении американского континента. У «массового туризма», напротив, нет влияния на тех, кто занимается им, но зато он отражается на населении принимающих стран. Не столько с биологической точки зрения, хотя нельзя отрицать определенные изменения и в этой области, сколько в том, что бесспорно касается психосоциальных преобразований. Это иностранный туризм превратил швейцарцев из воинов во владельцев отелей и передал им менталитет лакеев. Страны, которые в последнее время начали извлекать экономическую пользу из «индустрии» международного туризма, в большем или меньшем размере в зависимости от степени их устойчивости тоже вынуждены будут претерпеть подобное преобразование.

ОБ АВТОРЕ

Профессор доктор Жак де Майё родился в 1915 году в Париже как отпрыск древнего норманнского дворянского рода. Он изучал политические и экономические науки, получил докторскую степень и еще перед Второй мировой войной был назначен доцентом на своей французской родине. Затем он был призван в армию как простой солдат артиллерии. После заключенного 22 июня 1940 года в Компьенском лесу перемирия де Майё добровольно вступил в Войска СС, в рядах которых он участвовал во всей последующей Второй мировой войне в составе французской дивизии «Шарлемань», причем он дослужился до звания унтерштурмфюрера (лейтенанта).

После крушения Германии он со своей семьей авантюрным способом попал в Аргентину, в то время как в своем отечестве, которому де Майё всегда хранил верность, он был не менее четырнадцати раз приговорен к смерти, хотя его непримиримые враги так ни разу и не смогли привести в исполнение ни один из этих приговоров. Хуан Перон принял этого политического беженца, как и столь многих других европейских ученых, с распростертыми объятьями и позволил ему продолжать его важную работу на пользу не только собственной стране.

Таким образом де Майё как руководитель кафедры и ректор различных аргентинских университетов в Буэнос-Айресе и других частях страны мог дальше преподавать и производить исследования. Перон предоставил ему важную политическую позицию, назначив его президентом партийного института перонизма, доверив этому французскому ученому ключевую позицию для политического и мировоззренческого ориентирования государственной партии, которая также еще сегодня – хотя и оказавшаяся под влиянием и в значительной мере под контролем других сил и ставшая инструментом империализма янки – правит на Рио-де-ла-Плата.

Свою работу ученого и писателя де Майё своевременно и успешно направил на праисторию и раннюю историю Америки. Он в ходе нескольких экспедиций с истинно научной тщательностью прошел по следам европейских носителей культуры, которые уже за много веков до мошенника Колумба (в одной из своих книг де Майё разоблачил его как такового) заложили фундамент древних высокоразвитых культур Южной Америки. Благоприятная деятельность викингов и народов мегалитических культур, прослеживаемая до второго тысячелетия до нашей эры, стала предметом его многочисленных книг на французском, итальянском, португальском, испанском и немецком языках, из которых только около дюжины было издано в издательстве «Grabert» в Тюбингене. Издатель-

ство «Laffont» (Париж) опубликовало несколько французских изданий. В Аргентине Жак де Майё был известен в академических кругах преимущественно своими многочисленными публикациями по вопросам экономической и социальной политики. За несколько месяцев до смерти он еще намеревался отправиться на остров Пасхи для сбора материала и информации.

Данное произведение об основах биополитики вышло сначала на французском языке в издательстве «Editions Celtiques» («Кельтское издательство») в Монреале (Канада).

Жак де Майё, который за четыре десятилетия смог приобрести большой круг учеников и приверженцев в Аргентине и других странах Америки и оказывать на них существенное влияние, умер естественной смертью в Буэнос-Айресе в 1990 году незадолго до своего 75-летия.

[Вильфред фон Офен](#), Буэнос-Айрес (1994)

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив](#) сайта!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).